

СЕКЦІЯ 4. ІСТОРІЯ ПСИХОЛОГІЇ

УДК 167:159.964.26

**СИНХРОНИСТИЧНОСТЬ И АПОФЕНИЯ:
ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Вертель А.В., к. философ. н.,
преподаватель кафедры практической психологии
Сумской государственной педагогической университет
имени А.С. Макаренко

Статья посвящена философско-психологическому анализу комплекса вопросов, связанных с пониманием и интерпретацией проблемы причинно-следственных связей в истолковании синхронистических явлений в психофизическом континууме. Впервые эксплицирован анализ когерентности апофенических явлений и синхронистичности.

Ключевые слова: синхронистичность, апофения, бессознательное, квантовая физика, постнеоклассическая парадигма.

Стаття присвячена філософсько-психологічному аналізу комплексу питань, пов'язаних з розумінням та інтерпретацією проблеми причинно-наслідкових зв'язків в тлумаченні синхроністичних явищ в психофізичному континуумі. Вперше експліковано аналіз когерентності апофенічних явищ і синхроністичності.

Ключові слова: синхроністичність, апофенія, несвідоме, квантова фізика, постнеокласична парадигма.

Vertel A.V. SYNCHRONICITY AND APOPHENIA: PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

The article is devoted to philosophical and psychological analysis of the complex issues related to the understanding and interpretation of the problem of causality in the interpretation of synchronistic events in the psycho-physical continuum. The analysis of coherence of apophenia events and synchronicities was first explicated.

Key words: synchronicity, apophenia, unconscious, quantum physics, postnonclassical paradigm.

Постановка проблемы. Рационалист Р. Декарт вводит в научный обиход понятия объекта и субъекта познания. Картезианский дуализм составил методологическую базу новой науки, создав каркас еще не выстроенного научного здания. Ф. Бэкон и Р. Декарт в общих чертах завершают научный переворот XV – XVII вв. С этого времени новая наука с триумфом шагает по Европе, практически не наталкиваясь на оппозицию и сопротивление.

Современная наука идет от картезианского дуализма к холистическому мировоззрению. Становится актуальной тема параллелизма психического и физического. Навстречу друг другу здесь движутся естествознание и психология, наука и философия в лице философской антропологии. Разрушение картезианского дуализма – это многоаспектный процесс, который предполагает и прео-

доление разрыва между субъективным и объективным.

Наука оказалась мощным генератором становления парадигмы, которую можно назвать парадигмой фундаментального постметафизического сомнения. Декартово сомнение как методический принцип трансформируется в сомнение о существовании бытия, поскольку всеобщего и безусловного нет ни в природе, ни в сознании. В данном контексте можно говорить о смерти науки как об инструменте постижения неизменного и стабильного в постоянно становящемся мире, а именно: о том образе науки, который сложился в Новое время и который перестал удовлетворять духовные потребности нашего времени.

Изложение основного материала исследования. С именем Карла Густава Юнга связан комплекс идей, объединенных понятием «Synchronizität», которое русским языком передается по-разному (синхрония, синхронизм, синхронистичность)¹. Чтобы контекстуально обособить интересующий нас круг явлений, мы далее будем

¹ Впервые К.Г. Юнг использовал этот термин в своей речи в память Рихарда Вильгельма (произнесена 10-го мая 1930 года, в Мюнхене). Впоследствии речь появилась в приложении к «Тайне Золотого Цветка».

пользоваться термином «синхронистичность», который будет означать события, происходящие параллельно в психической и физической реальностях, не связанные при этом причинно-следственной связью, но демонстрирующие большую или меньшую смысловую идентичность друг с другом и при этом, как правило, оказывающие эмоциональное воздействие на воспринимающего субъекта. Проще говоря, это круг явлений, в который для начала можно включить неожиданные и поразительные совпадения, случающиеся время от времени в феноменологической реальности эмпирического субъекта.

К.Г. Юнг поддерживал дружеские отношения и состоял в переписке с В. Паули, лауреатом Нобелевской премии по физике за 1945 год. Более того, мы можем говорить о поглощенности В. Паули идеями К.Г. Юнга, а в частности признанием глубоких связей между физическими и психическими явлениями. В. Паули считал, что в науке будущего реальность уже не будет «психической» или «физической», а той и другой, или не той и не другой. Идя дальше К.Г. Юнга, он предположил, что связь между сознанием и бессознательным удовлетворяет принцип дополнительности в том смысле, в каком использовал это понятие Н. Бор. В. Паули надеялся, что единая картина мира, существовавшая в XVII веке и расколовшаяся с тех пор на две ветви: рациональную и мистико-религиозную, будет восстановлена через преодоление их антитезисов². Он видел соответствия между психологическими и квантово-механическими понятиями, называя бессознательное «секретной лабораторией» [5, с. 312].

Как ни странно, именно В. Паули и К.Г. Юнг разрабатывают провокационную концепцию, которая бросает вызов традиционным представлениям о причинности. К.Г. Юнг был убежден в том, что при объяснении физических событий научное мышление находится под неоправданным гнетом традиционных представлений о причинности. К.Г. Юнг принял основные положения квантовой физики. А именно то, что квантовая механика подрывает основы строгой причинности и нивелирует ее до уровня статистического принципа, потому что в квантовой физике события связаны исключительно вероятностным образом. Таким образом, К.Г. Юнг сделал смелое предполо-

ложение о том, что наряду с казуальностью существует другой физический принцип, в соответствии с которым обнаруживается статистическая связь между теми событиями, которые в другом случае рассматривались бы как независимые [3, с. 188].

К.Г. Юнг рассматривает «синхронистичность» как психически обусловленную отнесенность пространства и времени. Он считает, что относительно психики пространство и время являются «гибкими» и «эластичными» и могут быть сведены до почти незаметной точки, как если бы они зависели от психического состояния и существовали не сами по себе, только как «постулаты» осознющего разума. В первоначальном взгляде человека на мир (у первобытных народов) пространство и время являлись условными величинами. Они стали «жесткими» концепциями только в ходе ментального развития человека, а в основном благодаря введению единиц измерения. К.Г. Юнг пишет, что пространство и время сами по себе «ни из чего не состоят». Они являются условными концептами, порожденными деятельностью осознющего разума по проведению четких границ, и представляют собой незаметные критерии описания поведения движущихся тел. Таким образом, К.Г. Юнг делает вывод о том, что их происхождение психическое, что и явилось причиной, по которой И. Кант стал рассматривать их как категории *a priori*. Если пространство и время – это всего лишь свойства движущихся тел, и созданы интеллектуальными потребностями наблюдателя, тогда их релятивизация посредством содержимого психики не представляет собой ничего чрезвычайного, а оказывается в пределах возможного. Такая возможность возникает, когда психика наблюдает не внешние тела, а саму себя [9, с. 213].

Таким образом, К.Г. Юнг, пожалуй, был первым психологом, предпринявшим действительно серьезную попытку включить подобные явления в научную картину мира, хотя так или иначе на них обращали внимание также другие ученые и философы (И. Кеплер, Г.В. Лейбниц, А. Шопенгауэр). Интерес К.Г. Юнга к необычным явлениям, связанным с психикой, выразился еще в

² Источником информации по данному вопросу является собрание из 80 писем, которыми В. Паули и К.Г. Юнг обменивались с 1932 до октября 1958 года. Особый интерес представляет работа В. Паули, посвященная И. Кеплеру (Паули В. Влияние архетипических представлений на формирование естественнонаучных теорий у Кеплера / В. Паули // Физические очерки: [Сборник статей]. – М.: Издательство «Наука», 1975. – С. 137–175.).

³ Довольно интересным является факт, что К.Г. Юнг защитил диссертацию на медицинском факультете Цюрихского университета на тему: «О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов» (On the psychology and pathology of so-called occult phenomena) [10]. Диссертацией руководил Ойген Блейлер, который в 1908 году ввел в научный дискурс термин шизофрения, заменив старый термин *Dementia praecox* (преждевременное слабоумие). Одна из первых фундаментальных работ К.Г. Юнга была посвящена исследованию шизофрении «Психология раннего слабоумия (*dementia praecox*)» (Über die Psychologie der *Dementia praecox*: Ein Versuch), опубликованная в 1907 году.

1902 году³, однако синхронистичность, думается, заняла осевое место в его системе в результате его последующего практического опыта по осмыслению реальности. Интересно, что среди последователей (в сфере психологии) у К.Г. Юнга в плане исследования и объяснения синхронистичности не так уж и много. Причина, пожалуй, заключается в традиционном для эпохи модерна противопоставлении психической и физической реальностей. В рамках этой парадигмы оккультные проявления человеческой психики изучать, конечно, можно, но в основном в рамках психопатологии либо как психологические курьезы. Если же ставить вопрос иначе, а именно, что «psyche and matter are two different aspects of one and the same thing», что, разумеется, сильнее и радикальнее разговоров о возможности некоторого способа взаимодействия между духовным и физическим мирами (а проще говоря, душой и телом), здесь модернистская парадигма протестует. Преобладающей в психологическом «мейнстриме» является точка зрения, что «в благопристойном академическом обществе не принято» [6, с. 64], в принципе, говорить об этих «загадочных» феноменах в том ключе, как их понимал К.Г. Юнг, а именно, что синхронистические смысловые совпадения манифестируют принципиально иной тип взаимосвязи явлений – акаузальный, и в известном смысле магический, который физика, во всяком случае классическая, не рассматривает. Несмотря на то, что даже в пределах диалектического материализма всерьез ставился вопрос о том, что сознание есть атрибут материи (Э.В. Ильенков) и, следовательно, материя (как «объективная реальность, которая дана человеку в ощущениях») не мыслима и не существенна без сознания, что их отношения прямые, непосредственные, в сознании ученых эпохи модерна их отношения продолжают выступать как опосредованные. Так, И.А. Бескова утверждает (в отношении синхронистических явлений), что воспринимающее события Эго просто «не осведомлено о зависимостях, лежащих в основе разворачивающейся цепочки проявлений одного и того же глубинного феномена» [1, с. 237], полагая, иными словами, что обсуждаемые явления все-таки относятся к разряду каузальных (на что указывает термин «зависимость») со скрытой, еще не познанной наукой на данном этапе ее развития, общей причиной. Здесь сразу же бросается в глаза прямая параллель с физикой, важной вехой развития которой в XX в. стала дискуссия о скрытых параметрах. Поиск этой скрытой при-

чины психология, как правило, не занимается, либо полагая эту причину лежащей за пределами своей компетенции, либо неявно становясь на агностическую точку зрения, предполагающую случайность самостоятельным, но иррациональным агентом реальности. Феномены, не вписывающиеся в каузальную ткань мироздания и попадающие в категорию случайных и индифферентных, объясняют либо несовершенством научного аппарата на «современном этапе приближения к истине», либо принципиальной непознаваемостью основ мироздания вообще.

Момент истины при этом уже достаточно давно отодвигается в неопределенное будущее, когда физики откроют то, что поставит точку в истории вопроса. Неявная ситуация апории, разрешаемая характерным для позитивной науки способом: признается, что *некие психологические феномены* имеют место, но они исключаются из рассмотрения.

В такой ситуации ясно, что если мы собрались размышлять о феноменах, подобных синхронистичности, нам придется в случае затруднения смело покинуть пределы науки, парадоксальным образом стремящейся освободиться из-под эгиды как всеобщего смысла, так и смысла всеобщего. Ведь в рассматриваемом нами явлении синхронистичности определяющим является именно смысл: одновременность – это частная и относительная характеристика явлений, сущностью которых являются смысловые совпадения. Как и называл их К.Г. Юнг, классифицируя таким образом:

1) Совпадение психического состояния наблюдателя с происходящим в момент этого состояния объективным внешним событием, которое соответствует психическому состоянию или его содержимому, в котором не прослеживается причинная связь между психическим состоянием и внешним событием, и в котором, учитывая психическую относительность (психически обусловленную) времени и пространства, такой связи не может и быть.

2) Совпадение психического состояния с соответствующим (происходящим примерно в то же время) внешним событием, имеющим место за пределами восприятия наблюдателя, то есть на расстоянии, удостовериться в котором можно только впоследствии.

3) Совпадение психического состояния с соответствующим, но еще не существующим будущим событием, которое сильно отдалено во времени и реальность которого тоже может быть установлена только впоследствии.

События групп 2 и 3 еще не присутствуют в поле зрения наблюдателя, но ему уже известны, если, конечно, их реальность будет подтверждена. Поэтому он назвал эти события «синхронистическими», что не следует путать с «синхронными» [8, с. 187].

К этому можно добавить, что, кроме синхронистичности между индивидуальным сознанием и внешним миром, существует синхронистичность между двумя индивидуальными сознаниями, которая может проявляться в сфере эмпирических характеристик, а именно в личных, биографических данных. Здесь наблюдается либо односторонняя синхронистичность, либо взаимная, когда совпадают фазы смысловых «излучений».

Сам термин «совпадение» указывает на отсутствие или неопределенность отношений причины и следствия в системе из двух или более явлений, но в гносеологическом плане важно отметить, и это справедливо подчеркивает К.В. Голубев [2, с. 106], что К.Г. Юнг «категорически отрицает зависимость синхронистических процессов от причинно-следственной связи не потому, что она неизвестна, а потому, что она невысказана». Если интерпретация К.В. Голубева К.Г. Юнга верна, то К.Г. Юнг отклоняется здесь от агностицизма кантовского толка. Тонкость в данном отношении, как и во многих других случаях, не в непознаваемости, а в невысказанности и, соответственно, невыразимости в привычных (позитивистских) категориях связи между определенными явлениями, в данном случае – психическими и физическими. Можно говорить лишь об *узнаваемости* связи на основе логоса как смысла. Психическое и физическое явления не обусловлены друг другом и не связаны общей причиной. Связывает их сознание. И сознание в данном случае действительно не мыслит, если под мышлением понимать «процесс моделирования систематических отношений окружающего мира на основе безусловных положений», а аподиктически узнаёт в двух одно.

С нашей точки зрения, связь эта невысказана только в рамках психологии, поэтому в рамках этой науки, по сути, не происходит развития идей К.Г. Юнга, и обсуждение сводится к попыткам, исходя из особенностей личности К.Г. Юнга понять, как ему удалось создать систему, представ-

ляющую собой «амальгаму научной и ненаучной форм знания» [2, с. 103]. Такая формулировка, на наш взгляд, подразумевает, что феноменология синхронистичности объясняется определенным душевным складом, «своеобразным мировидением» [2, с. 104], предрасположенностью к созданию такой амальгамы, возможно, отнюдь не являющейся универсальным отражением действительности и поэтому не являющейся предметом науки.

С другой стороны, если К.Г. Юнг в своем видении все-таки не уникален, и его «эkleктическая» картина мира не причуда гения, то нам придется пересмотреть претензии действующей научной формы знания на абсолютный приоритет в истолковании мироздания.

К.Г. Юнг отнюдь не считал, что его опыт уникален. Действительно, вряд ли есть на планете такой человек, с которым никогда не случались синхронистические явления. Однако, как правило, *Человек цивилизованный* склонен рассматривать их либо как случайности в смысле удивительных, но маловероятных совпадений, либо как навязчивое состояние на грани помешательства, паранойи, апеллируя в первую очередь к субъективности (произвольному выискиванию соответствий, преувеличению значимости событий, акцентированности и т. п.). Существует специальный термин для обозначения такого состояния: апофения.

Апофения – переживание, заключающееся в способности видеть структуру или взаимосвязи в случайных или бессмысленных данных⁴. Отличие апофении от синхронистичности заключается в том, что синхронистичность изначально основана на спонтанных смысловых совпадениях. Апофения же произвольно связывает спонтанную или интенциональную активность рассудка с деталями окружающего мира. Однако к смысловым совпадениям также может быть отнесено апофеническое отношение. Смысловые совпадения случаются достаточно часто, но субъективная значимость их отчетливо разная. Некоторые не имеют *актуального* значения для субъекта, другие же очень важны, причем, как правило, в духовном плане. Объективно важность их оценить практически невозможно, поскольку невозможна постановка классического эксперимента. Синхронистичность, как правило, не может быть непредвзято оценена со стороны значимости другим лицом, так сказать, непосвященным в индивидуальные смыслы, и расценивается только как курьезное совпадение. Зачастую смысл в данный момент времени

⁴ Термин был введен в 1958 году немецким нейропсихологом Клаусом Конрадом. Он определил его как немотивированное видение взаимосвязей, сопровождающееся «характерным чувством неадекватной важности (Conrad K. Uber begriff und Wessen der Apophanie / K. Conrad // Merdimensionale Diagnostik. Festschrift fur Kretschmer. Stuttgart: Thieme, 1958).

сокрыт и от самого сознающего субъекта, поэтому объективно выглядит случайным относительно текущего феноменологического фона.

Итак, основной критерий, позволяющий отличать апофению и синхронистичность, – это то, что апофения, находясь в сфере психопатологии, вносит энтропию, хаотизирует психофизическую реальность, тогда как синхронистические события не руководят поведением субъекта каузально. В целом они могут сопровождать осознанный ход жизни человека, подтверждая или, возможно, опровергая правильность его ориентации в мироздании.

Отнести то или иное явление в разряд синхронистических – дело сугубо индивидуальной логической состоятельности, полноты осознания, включающей и мысль, и чувство вплоть до ощущения. Отсюда естественным образом вытекает, что познание синхронистичности, о которой сложно говорить катафатически, предполагает переход к «философии «жить»».

Второе затруднение с синхронистичностью как с предметом науки состоит в ее спонтанности, необъяснимости, чудесности. Чувственная сторона синхронистического опыта состоит в поражении совпадением как чудом. Чудо невозможно исследовать научно, и его повторяемость в опыте под сомнением. Наверное, поэтому концепция К.Г. Юнга подозревается в ненаучности, а его отношения с квантовой физикой – не более чем игра ума, причуда. Однако К.Г. Юнг сделал первый шаг к научному осмыслению синхронистичности, дав простейшую классификацию синхронистических явлений. Проблема в практическом применении, ведь если бы человеку надо было просто *объяснять* свои наблюдения, то всех удовлетворил бы миф, исходная посылка апории, чистая теория. Но с древнегреческих апорий начинается наука как умение в ее современном, техническом понимании. Не будучи трюком или софизмом, апория фиксирует диафору между умозрительной и физической реальностью: что может быть справедливо для внутренней реальности человека, «работает» в ней, то не всегда соответствует внешней. Можно как угодно объяснять назначение и смысл египетских пирамид (как правило, при этом рождаются новые мифы), но построить такие же – это вопрос физики и техники. В то же время попытка практического применения мифа, с одной стороны, свидетельствует о диафоре, а с другой – преодолевает ее.

Для мифа характерен свой способ представления, объяснения взаимоотношений

между умозрительной, или психической, и физической реальностью – магия [7]. Поэтому следует проверить синхронистические явления на отношение к магии, если понимать ее как возможность с помощью «тайных сил природы, невещественных, вообще не признанных естественными науками» или посредством психики производить физические изменения, минуя диафору.

Здесь мы имеем в виду только психокINETическую область магии, гипотетически состоящую в том, что мысль или слово могут непосредственно производить работу в физическом смысле, или когда говорят, что «мысль материальна». В остальных аспектах магии, например в магических ритуалах, просто отсутствуют смысловые совпадения. В этом случае магия предполагает бессмысленную, но причинно-следственную связь двух событий: бессмысленное в контексте цели действие А влечет за собой целесообразное Б. Хотя мы не исключаем, по крайней мере, некоторых случаев того, что мантика и приметы – это если не синхронистические, то аналогичные синхронистичности явления, отражающие «предустановленную гармонию» мира, то есть причины связи разнородных по смыслу явлений просто не осмыслены.

Пожалуй, поэтому К.Г. Юнг относился к астрологии серьезно, не как к магическому, а как к синхронистическому феномену. Хотя нельзя исключить и каузальную связь планет как физических тел с психикой через психосоматику [4, с. 13]. Здесь можно поразмышлять не только о том, как Луна влияет на кровяное давление, гравитационная ситуация в Солнечной системе в момент рождения на структуру личности новорожденного, но и о том, что названия, дававшиеся планетам в мифологический период истории, были точными с сущностной стороны, характеризуя соответствующее божество. Это объясняется синхронистической пронизанностью бытия, как мы предполагаем (вслед за К.Г. Юнгом, который противопоставляет первобытного человека и художника цивилизованному человеку в плане высоты порога доступа к бессознательному), характерную для существа с одной стороны свободного (и в этом плане воля А. Шопенгауэра, безусловно, связана с бессознательным, хотя и не тождественная ему), с другой стороны слитого с природой уже в этом синхронистическом смысле.

Выводы из проведенного исследования. Аналитическая психология К.Г. Юнга – это метаэмпирическая теория, объединяющая в единое целое как метафизические,

так и сугубо научные представления о сознании и о мире в целом. А на нынешнем, постнеоклассическом этапе развития науки на первый план выходят междисциплинарные, трансдисциплинарные и проблемно-ориентированные исследования, к которым, безусловно, можно отнести концептуальные положения психологии и философии К.Г. Юнга.

Современная философия и прикладная психология совместно с психиатрией получают довольно перспективный вектор исследований в области синхронистических явлений. Дальнейшая разработка указанной проблематики будет способствовать расширению научного дискурса для поиска новой научной методологии, которая приблизит современную науку к разрешению психофизической проблемы в частности и загадки сознания в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бескова И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ) / И.А. Бескова. – М. : ЦОП Институт философии РАН, 2005. – 239 с.
2. Голубев К.В. Понятие «синхронистичность» в аналитической психологии К.Г. Юнга / К.В. Голубев // История философии. – 2000. – № 5. – С. 102–112.
3. Дэвис П. Проект вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации / П. Дэвис ; пер. с англ. Д. Воробьева. – М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011. – 254 с.
4. Копейкин К.В. «Души» атомов и «атомы» души: Вольфганг Эрнст Паули, Карл Густав Юнг и «три великих проблемы физики» / К.В. Копейкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ufn.ru/tribune/trib151208.pdf>.
5. Пайс А. Гении науки / А. Пайс ; пер. с англ. Е. И. Фукаловой. – М. : Институт компьютерных исследований, 2002. – 448 с.
6. Петренко В.Ф. К проблеме психологии сознания / В.Ф. Петренко // Вопросы философии. – 2010. – № 11. – С. 57–74.
7. Рабинович В.Л. Магия / В.Л. Рабинович // Новая философская энциклопедия : В 4-х т; [научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов]. – М. : Мысль, 2010– . – Т II. – 2010. – 634 с.
8. Юнг К.Г. «О «синхронистичности»» / К.Г. Юнг // Синхронистичность : [сборник]. – М. : «Рефл-бук»; К. : «Ваклер», 1997. – 254 с.
9. Юнг К.Г. Синхронистичность: аказуальный объединяющий принцип / К.Г. Юнг // Синхронистичность : [сборник]. – М. : «Рефл-бук»; К. : «Ваклер», 1997. – 415 с.
10. Юнг К.Г. К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов / К.Г. Юнг // Ответ Иову. – М. : ООО Фирма «Издательство АСТ»; Канон+, 1998. – 512 с.